

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №3 2024 ГАЗЕТА

Платон Беседин / Предчувствие февраля

БЕСЕДИН Платон Сергеевич

Писатель, литературный критик, публицист. Родился в 1985 году в Севастополе. Окончил Севастопольский национальный технический университет и Киевский институт психологии. Первая журнальная публикация — повесть «Голод» (2006). Дебютный роман — «Книга греха» (2012). Автор книг «Рёбра» (2014, премия Демьяна Бедного), «Учитель. Роман перемен» (2014), «Дневник русского украинца. Евромайдан, Крымская весна, донбасская бойня» (2015, премия Леонида Леонова), «Дети декабря» (2017), «Почему русским нельзя мечтать?» (2019, премия А. И. Казанцева), «Внутренний человек» (2022). Сценарист фильмов об оккупации Крыма и Севастополя «Севастопольские трагедии» и «Крым, кровью умытый». Организатор фестиваля русской словесности «Точка сборки» (2016), ведущий телепередачи «Игра в классики» (удостоен звания «Журналист года» за 2022). Книги П. Беседина переведены на турецкий, сербский, английский и др. языки.

К 85-летию Татьяны Михайловны ГЛУШКОВОЙ

(1939, Киев — 2001, Москва)

Всё ее творчество было пророчеством о неизменности и глубине родного света и неизбежном торжестве «неслиянно-нераздельного русского содержания» в живом хоре мучительной и сбивчивой, но неостановимой жизни. Глушкова снова напоминает, что разломы мира проходят через сердце поэта и в нем же врачуются и преодолеваются, в нем ищут небесного разрешения.

Валентин КУРБАТОВ

К портрету Ксении Некрасовой

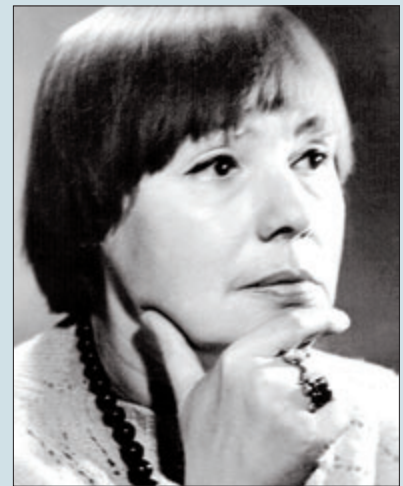
Поэтессы — с руками крестьянок застенчивых,
с озаренными давней кручиной глазами,
с полевыми в студеном кувшине цветами, —
поэтессы, не выученные наизусть!

Одиноко умершие,
ничего не умевшие, —
только слово, как птица, послушно руке...
Как устало глядит эта русая женщина
в этом клетчатом, синем, тревожном платке!

1963

Но что была бы я без языка,
который мне подарен от рождения?
Куда текла бы тощая река?
И что могли бы сорные растения
прошелестеть, когда бы не легка
была я на шальные восхваленья?
Когда бы не накинула платок,
когда бы не затеплила поленья...
Не с Дону — с моря дует ветерок,
просыпем соль, заварим кипяток —
и ты уже не столько одинок,
читатель этих говорливых строк,
свидетель моего долготерпенья...

1973

Тихо светит по всему миру...
Гоголь. «Страшная месть»

А то, что было снежною грозой,
теперь скатилось черною слезой.
И все-то мысли — там, на Украине,
и даже вид серебряной полыни
невыносим, и стебелек седой
и горький дух аптечный — не забвеньем
грозятся всё как дымом затянуть,
а сердце жгут... Догадкой иль сомненьем
измаяна надорванная грудь...
И ты, народ, безмолвствуешь. Язык
в корнях тысячелетних ищет слова.
Но даже Вечность — сжавшись — не готова
в себя вместить тот погребальный миг.
И ты, неотомщенная земля,
когда вскипишь могильной земляницей,
какая красит минные поля, —
увидишь старца за кровавой книгой,
услышишь крик:
— Но он такой великий, сей грех,
что не могу молиться я!..

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки
использованы
работы Константина
Крыжицкого

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №3 /1944/ Основана в 1927 г.

Платон Беседин

Предчувствие февраля

Повести

СВОИ

I

— I'm going through changes...

Звучал, наполняя комнату, болезненный голос, и Даниил, лёжа на жёлто-буром паркете, подпевал, не попадая в ноты. С закрытыми глазами, погружённый в себя или уставившись на герань, одиноко стоящую на деревянном подоконнике.

— My heart was blinded, love went astray...

Он всегда любил эту песню — песню прощания и надежды, — но две недели назад она стала для него чем-то больше, нежели просто музыкой и словами. Он повторял её, как мантру, — чтобы выстоять, продержаться и наконец определиться, куда и как ползти дальше. «Вперёд и вверх на севших батарейках», — вспоминал он где-то вычитанную фразу.

В самые мрачные, свинцовые дни Даниил включал «Changes» несколько десятков раз подряд, без остановки. Словно больной или нарк, увеличивающий дозу, чтобы забыться. Он знал точную длительность песни — 4:43; третья на первой стороне пластинки.

Проигрыватель и четыре ящика с винилом — съезжая, Даниил забрал их из квартиры. Ещё макбук, три десятка книг, документы, летние вещи, набитые в два бледно-жёлтых мешка, какие обычно используют для строительного мусора. После, на миг вырвавшись из оцепенения, захватил с собой детские игрушки дочек. Как память.

Вынес вещи во двор, кинул в багажник, но, сев за руль, повернув ключ зажигания, заведя мотор, не трогался с места. Так и стоял, глядя на детскую площадку, куда часто выходил с дочками. Красные пятна горки теперь смотрелись как раны, и пухлый малыш в оранжевой кепке пытался двигать качели, пока его мама в коротких джинсовых шортах, пуская сигаретный дым, пялилась в телефон. Рядом с ней на скамейке стояла бутылка с джин-тоником. Даниил разозлился, хотел выйти из машины, что-то сказать, но тут же одёрнул себя. Колёса зашуршали по растрескавшемуся асфальту.

Отъезжая, он вспоминал, как той осенью гулял со старшей дочерью во дворе. Поздно вечером. Она играла в песочнице, одетая в красно-синюю куртку и розовую шапку, лепила куличики. А он сидел на скамейке, под ореховыми деревьями. Воздух был свеж и прозрачен. Пахло морем. Дочка стояла к Даниилу спиной, увлечённо орудуя пластмассовой лопаткой, и в тот момент, глядя на неё, Даниилу казалось, что он почти счастлив. Захотелось остановить, сохранить момент, и он достал телефон, сделал фотографию, а после тихо-тихо включил песню: «You can't always get what you want and if you try sometime you find, you get what you need...»

Тогда, и правда, казалось: всё, что нужно, у него уже есть. Куда оно исчезло? Как обрушилось и перестало существовать? В переезд не верилось. Не хотелось верить. Мысленно Даниил всё ещё находился дома — вместе с женой и дочками. Бывшей женой — всякий раз поправлял он себя. И вещи его — большая часть — оставались там же. В современных шкафах, которые они выбирали вместе с Машей. В переводе с греческого «Мария» означало «горькая». Даниил убедился в этом.

Он так долго верил, что многое ещё может измениться — сместиться в сторону компромисса. Ему и нужен-то был всего лишь намёк на понимание. Верил ли Даниил сейчас? В шанс, в возможность? В то, что можно вернуться? В то, что их семья станет семьёй — такой, как два года назад, к примеру? И вместе они станут завтракать, ездить в парки, ходить в кино? Вместе — какое простое и недоступное слово. Верил ли он сейчас в то, что между ним и Машей исчезнет — ладно, сгладится — раздражение, неизменно скидывавшее их общение в крик? Что вместо желания отдохнуть, побыть в одиночестве вернётся прежнее желание быть рядом друг с другом? Оказывается, рядом — это так сложно. Но всякий раз, думая об этом, Даниил напарывался на необратимость. Того, что прежняя жизнь вытолкана за дверь и надо обустраиваться заново. Но как? Не проще ли сломать эту дверь? Ведь за ней ещё оставалась прежняя жизнь. Да, она треснула, а после разбилась, как ваза, в которую Маша давно уже не ставила цветы, потому что Даниил не дарил их, но вещи оставались там, где и прежде. Даже серёжки с рубинами, купленные на годовщину, привычно валялись на комод в гостиной. Маша никогда не убирала их. И дети смотрели так же, как и раньше. Говорили «мама» и «папа». Просили мороженое и мультфильмы. Спрашивали, когда вернётся домой папа. Даниил не знал, что отвечать им. Как объяснять им. И Маша не знала, хотя и делала решительный вид. В конце концов, это было её окончательное решение.

— Что будет с детьми? — повторял Даниил снова и снова, а она кривала в ответ:

— Тебя только дети волнуют! А я? А обо мне ты подумал?!

Он подумал, да, но они шли к этой пропасти вместе. День за днём, скандал за скандалом. А дети не шли. Они были вынуждены плестись рядом. И что теперь сказать им для утешения? Как объяснить, что мир разрушен и взорван, и теперь каждому, поодиночке, выбираться из-под обломков? Мир дочек — это папа и мама, только так он был целен, и от того, что взрослые решили, будто развод — это нормально, «все разводятся», реки не изменили своего направления и дети не стали считать иначе.

— Не торопись, осмотрись...

— Радуйся своей свободе!..

Подобные реплики летели от тех, кто знал о разводе Даниила, но они шли по касательной, лишь чиркая, срывая кожу. Не попадали в цель, но делали больно. Он не представлял, как оно будет дальше, казалось, навсегда застыв в том, что было, и лишь предчувствуя приговаривающий конец. Впереди, точно казнь, маячил суд. Даниил готовился к боданию, спорам. Думал, что судья, как в кино, задаст вопрос: «Вы подумали? Может, сохраните семью?» Однако седеющий мужик с лицом спелой вишни произнёс лишь то, что детей важно не лишать отца, а имущество надо разделить без ругани. «А то, знаете, ложки с вилок делят...»

Когда вышли из здания суда, Маша в лёгком цветастом платье сияла. Она крикнула не Даниилу даже, а в летний зной:

— Ну, всё! Свободна!

Он видел, что радость её пусть и намеренно подчеркнутая, но, в общем-то, не напускная. Внутри же Даниила зияла пустота, по которой гуляли сквозняки прошлого. Будущее заикливалось — он понял это ещё тогда — на детях, на их спокойствии и безопасности. И он не знал, как уберечь их.

— Ну, пока! — бросила Маша и зацокала каблучками к машине.

Даниил лишь кивнул. Дрожащими руками попробовал достать сигарету из пачки. Раскалённое солнце палило зло, беспощадно, до черноты выжигая местность. Даниил закурил, чувствуя предельное одиночество. И принялся искать тень, чтобы переждать это чёрное лето.

Съёмную квартиру он нашёл в десяти минутах ходьбы от их с Машей дома. Бывшего дома. Теперь там остались только Маша и дочки. Даниилу всякий раз приходилось поправлять в этом себя. Нашёл жильё почти сразу, без торгов. Да и хозяин мог бы назвать любую сумму — Даниил согласился бы. Не было сил перебирать варианты, а тут подвернулся вроде бы адекватный. И Даниил встретился с хозяином в тот же день — низкий мужичок с блестящей плешью и желтоватого цвета кожей ждал его перед аккуратным подъездом. Уже на пороге квартиры он спросил:

— Кажется, по телефону вы сказали, что курите, верно? — Даниил кивнул. И мужичок тут же доволь-

но расслабился, пропуская внутрь. — Можете курить прямо в комнатах.

Впрочем, Даниил это и так понял. Квартира была прокурена настолько, что попадавший в неё тут же впускал в себя вечный запах сигаретного дыма. Он повис прозрачно-сизой стеной, непоколебимый перед сквозняками и ветрами из распахнутых окон. Впитывался в одежду, волосы, поры. Запах словно был древним существом, лишь позволяющим существовать рядом с собой.

— Закуривайте, не стесняйтесь! И я, с вашего позволения, тоже!

Мужичок сунул меж бледно-сиреневых губ янтарный мундштук, предварительно вкрутив в него папиросу. Даниил давно не видел таких. Ни мундштуков, ни мужичков.

— Проходите!

Дымящая папироса пахла горящим сеном. Пепел летел на жёлто-бурый, местами почерневший паркет. Даниил давно не видел таких квартир: «Что-то трифоновское», — пронеслось в голове. Мир вокруг был гораздо более современен. А здесь, в этой квартире, будто законсервировалась уходящая эпоха, воспроизведённая до мельчайших подробностей. Паркет лежал везде — даже в кухне. Кухонной мебели было по меньшей мере лет тридцать, но при этом она сохранилась в почти идеальном состоянии. Даже винтажные металлические банки под крупы и сыпучие смеси — красные, в крупный белый горох, с надписями «СОЛЬ», «САХАР», «ПШЕНО» — сияли так, будто перед приходом Даниила их всю ночь драили с содой. В гостиной, как благородное семейство, обосновалась роскошная мебель из граба. Когда-то она стоила очень дорого, не достать, а теперь стала уходящей натурой, которую люди, насмотревшись стилей и декоров в социальных сетях, спешно меняли на новую мебель в стиле лофт.

— Здесь и не жил почти никто, — словно читая мысли, пояснил мужичок. Папироса его догорела — и он тут же прикурил новую.

Неродным, вставленным в эту реальность выглядел огромный белый холодильник, на который прилепили один-единственный магнитик. Даниил приблизился, чтобы рассмотреть — футбольный клуб «Заря».

— Я из Ворошиловграда, — пояснил мужичок. — С детства за клуб.

Даниил улыбнулся:

— Счастье у вас было в семьдесят втором.

— О да! Я только в школу пошёл — и тут такое! Золотой гол Кузнецова! До сих пор перед глазами!

На миг лицо мужичка разгорелось, как кончик его папиросы. Из него ушла желтизна. Но почти тут же вернулось его прежнее тоскливое выражение:

— А сейчас ни Ворошиловграда, ни «Зари». Точнее, «Заря» есть, но играет она не в Луганске.

— В Мариуполе?

— В Запорожье, хотя, думаю, скоро вообще не до игр будет, — поправил мужичок. — А что делать? Война...

Беседа о «Заре» сблизилась. Даниил подумал, что, возможно, иная эпоха, в которой застыла эта квартира, отражала и его внутренние перемены. Он будто возвращался в прошлое, к основам, чтобы начать всё заново. То, что не убивает, делает нас сильнее. Так говорят. На самом деле не сильнее, а грубее, черствее — и оттого менее уязвимыми. Но не сильнее. Ещё говорят, что начинать заново никогда не поздно. Впрочем, мало ли что говорят, забывая, как щели монтажной пеной, душевную пустоту словами? Лишь бы сказать, лишь бы изречь туманно-оптимистичное.

Даниил, отодвинув пыльный тюль, вышел на лоджию — та ему сразу понравилась. Старые оконные рамы, деревянные, покрытые лаком, сочетались с обоями под кирпич и книжными полками, хранящими собрания сочинений классиков. Даниил пробежался по корешкам: Лесков, Толстой, Пушкин, Лермонтов — все свои, все родные. На подоконниках выстроились горшки с цветами. В углу лоджии стояла продавленная тахта с наброшенным на неё одеялом. Маша возненавидела бы такую обстановку, назвала бы её стариковской, но Даниил находил в ней свою прелесть. Он даже напел про себя: «You don't know how lucky you are, boy — back in the USSR».

СOLIDНУЮ часть просторной гостиной занимала классическая «стенка» (румынская, как пояснил хозяин), заставленная посудой, безделушками и конечно же книгами. В дальнем углу Даниил увидел старую магнитолу с двумя напольными колонками по бокам.

— Рабочие?

— Хм, вряд ли.

— Жаль.

— Так, а как вам квартира? — вкрадчиво спросил мужичок, впервые оставшись без папиросы.

— Когда можно въехать?

Они стоворились быстро. Колонки оказались рабочими — вот только долго пришлось разбираться с ними, чтобы подсоединить к «вертушке». Зато звучали они неожиданно прилично. И вот уже который день по комнате растекался надломленный голос: «Wish I could go back and change these years...»

Первые недели после развода Даниил не знал, чем заняться. Хотя кто-то сказал ему, что самое время развлечься, отдалиться свободе. Возможно, так оно и было, но долгое время Даниил жил в семье и для семьи, не понимая, как существовать иначе. И, оглядываясь в прошлое, подёрнутое горечью пережитого, он, в общем-то, находил там то же стремление. Характерные или даже обязательные для определённого возраста развлечения — эти легкомысленные инициации — отпадали, и оставалось то, что составляло основу. Ещё месяц назад она пусть шаткая, но

была, а что теперь? Ему говорили, и слова мелькали, как мушки, о том, как хорошо жить без жены, без детей («сколько ещё так жить?» — не понимал он), и Даниил почти искренне пытался уловить эту прелесть, но то ли не успевал, то ли искал её не в том месте. Да и всегда казалось, что его точка сборки находилась в семье. Теперь у него был шанс опровергнуть это, но... он не представлял, с чего начинать.

Дни текли в пережёвывающем забытьи, когда у полуразбитой лесенки к рынку он наткнулся на старушку, торговавшую сырыми семечками. И тут же вспомнил, как в детстве мама покупала их банками, чтобы жарить на сковородке. А на улицах, возле ларьков, сидели такие же, как и эта, старушки — вот только продавали они семечки уже жареные, насыпая их из эмалированных мисок в газетные кульки. Всякий раз мама, говоря о таких, страдала:

— Не смей у них покупать! Они в семечках ноги греют, а потом вам продают.

— В семечках? — удивлялся Дая.

— Конечно! А ты что думал? От болей в суставах помогает! — поправляла клетчатый фартук мама. — Я лучше тебе сама пожарю...

И шла на рынок, и покупала две литровые банки сырых семечек. После жарила их на большой сковородке, а затем держала завёрнутыми в махровое полотенце. На нём оставались тёмно-серые, бурые следы. Сейчас Даниил пытался повторить нечто похожее, но семечки подгорали, отвалили прогорклым. Однако он всё равно лузгал их — до черноты на подушках пальцев. Лузгал механически, бездумно, пытаясь заесть внутреннее опустошение, то умственное и моральное отупление, что превращало его в пошамканное, мешковидное существо, набитое гноящимися воспоминаниями. Так пахла и выглядела несвобода.

Когда к Даниилу зашёл знакомый, Дима Спиринов, похожий на постаревшего двоюродника, с серьгой в ухе и глубокими морщинами на выпуклом лбу, под ногами его закрошилась скорлупа, усыпавшая паркет:

— Ты тут бабок у себя собираешь, что ли, семечки лузгать?

— Бабок?

— Ну, уж точно не баб! — ухмыльнулся Спиринов, обнажая отсутствие зуба в верхней челюсти.

Так выяснилось, что Даниил, оставшись без жены, и не подумал даже о бабах, девушках, женщинах. Просто спрятался ото всех, укрывшись в вязком коконе, — и вовсе не собирался вылупляться из этого одиночества. Но Дима что-то там говорил, делал пассы руками, покрытыми глупыми татуировками.

Даниил пытался вслушаться, честно, ответственно, но тогда все голоса вокруг, кроме дочек по телефону, звучали глухо и смазанно, словно из металлической трубы. Кто-то там говорит, да, но с кем, о чём, для чего?

Однако следующим вечером Спиринов притащил в квартиру двух характерных девиц. Первая в основ-

ном улыбалась по-блядски, курия длинную сигарету и покачивая ногой, закинутой на другую ногу. Вся она была фальшивая, ненастоящая, слишком карикатурная в этой своей дешёво-киношной похотливости — и колготки в сеточку, сползающие в бордовые туфли на шпильке, завершали образ. Её можно было бы назвать симпатичной, если бы не слишком высокий лоб. А вторая, наоборот, непрерывно болтала — рассказывала о подводных лодках в Мурманске, откуда была родом. Обыкновенная, в простеньком платье она всё равно излучала блядство, и то концентрировалось, сообразил Даниил, в том, как она облизывала полные, чувственные губы, всегда чуть приоткрытые, как на обложках рок-н-рольных пластинок.

Эту забрал себе Спиринов, уведя её в спальню. А Даниил остался с Анжеликой — так её звали или, вероятнее, так она представилась — в гостиной. Для чего-то достал пластинки из ящика, стоявшего рядом с проигрывателем. Взял первые попавшиеся.

— Джек Уайт? Или Genesis?

Она смотрела на него равнодушно, всё так же покачивая ногой. Вытащила изо рта жвачку, прилепила бледно-розовый комочек к тёмной боковине дивана. Поманила длинным худым пальцем к себе. Убийственный красный лак на заострённом ногте. Он, положив пластинки, так ничего не включив, медленно подошёл и сел рядом с ней. Она погладила его по руке. Он увидел жгуты вен, заметил, что один ноготь её не заострён. Не сразу понял, для чего это. А она уже целовала его — автоматически, по науке, зная, как возбуждать. От неё пахло ментоловыми сигаретами и липкой похотью. А он чувствовал себя почти мёртвым и стыдился того. Но постепенно её движения языком пробуждали его. Вот только от этой шершавости становилось ещё хуже. Что-то инородное, бессмысленное проникало в него, а он изображал нормального человека, чтобы никого не обидеть.

В тот вечер Даниил понял, насколько отвык от женщин, что все они, какими бы умелыми ни были, бесполезны по сравнению с женой. Бывшей женой. И не потому, что она оставалась идеалом, но потому, что он сам, оказавшись без семьи, тем не менее пытался сохранить её, но уже не вовне, как у всех, а сугубо внутри себя, не желая впускать туда ничего и никого постороннего. А тут была чужая женщина. И это слово — «чужая», то есть не его — определяло и объясняло всё. Оттого он чувствовал себя так гадко — словно использованная засохшая жвачка, оставленная на боковине дивана; пройдёт время, и она прилипнет к чьей-то подошве, как же нудно и противно будет её отдирать...

К счастью, Анжелика не лезла с банальностями, не продолжала дальше, а, закурив, сказала:

— Ты, кажется, хотел поставить пластинку.

— Ну.

— Это, говорят, сейчас модно. Пластинки.

Он встал и снова, не глядя, взял пластинку. Поставил на проигрыватель, подвёл к краю винила иглу. Прежде чем Нил Янг запел о поисках золотого сердца, было магическое шуршание.

— Кто это?

— Нил Янг.

— Никогда не слышала. Ты любишь всё это, да?

— Музыку?

— Нет, старое. То, что уже было, да?

— Не знаю.

— Ну, — она улыбнулась, — тогда налей хотя б, что ли.

Даниил налил ей в где-то найденный бокал «Гевюрцтраминер» и злился от того, что она говорит о чепухе, заглушая Нила Янга.

— Может, завтра на суши? — сказала Анжелика, и он вновь увидел, какой у неё некрасивый, уступчатый лоб.

— Нет, мне нужно работать.

— Ладно...

Напоследок, когда девушки со Спириным засобирались в караоке, Анжелика влажно поцеловала Даниила в губы, оставив после себя запах использованной клубничной жвачки. Она не могла бы помочь ему, даже если сделала бы идеальный лоб. Моясь в душе — отмываясь, точнее, — Даниил думал о том, что даже не стал искать причин для отказа. Бросил самое банальное — и она съела. В этом крылась комфортная простота, густо замешанная с одиночеством. Возможно, тот, кто брал себе содержанок, избегал лишних проблем, бесконечных разбирательств, всего того, что выедаёт семейную жизнь, как моль одежду. Но эта рациональность не делала двоих ближе, нежнее. Впрочем, кому сейчас нужен дурацкий идеализм, отброшенный за профнепригодностью?

Работа. Даниил совсем позабыл о ней, выброшенный на остров новой жизни. Робинзон без отношений, без семьи, но с чувствами, привязанностями и тоской по дому, плачущий всякий раз, когда слышал голоса дочерей. Ни один корабль не смог бы забрать его домой, потому что пенящееся, красночёрное море окружило внутри — не выбраться. От такого, говорят, спасались работой. Он и сам наконец-то вспомнил о ней, привыкший трудиться дома. Но сейчас та оставалась чем-то недоступным, бесконечным, возвышающимся как снежная вершина над обессилевшим путником.

Чем спасались его друзья? Тусили, пили, молодились, покупали автомобили и гаджеты — пытались наполнить себя. Многим это, в общем-то, удавалось. По-своему Даниил завидовал им. Себе он казался уставшим, бесполезным мужчиной, похожим на вышедший из моды костюм, оставленный в шкафу в темноте и запахах средств от моли. В этом было что-

то болезненное — быть брошенной женой, но не бегать к женщинам и алкоголю, а оставаться наедине с собой, тоскуя, скучая по тому, что, по большей части, много лет не приносило ни успокоения, ни счастья. Худшее извращение в современном мире — быть привязанным к своей семье.

— Так почему бы тебе не вернуть Машку, а? — однажды спросил его Спирина, когда они пили коньяк, разложив на столе фрукты. — Ты думал об этом?

— Думал, конечно.

— И?

— Что и? — Даниил разлил коньяк.

— Что надумал? — пылливо всмотрелся Спирина.

— Всё кончено.

— Но слушай, — сам Спирина женат никогда не был, — разве бывает вот так, чтобы жили, детей рожали, друг другу в любви признавались, обнимались, а потом, бац, и всё исчезло? Разве бывает так, а?

— Только так и бывает, — пробормотал Даниил.

Он встал. Шла вторая бутылка коньяка, первая опустела. Даниил полез в ящик с пластинками — перебрал пальцами, отыскал нужную. Осторожно снял внешний конверт, достал винил из картона. Спирина молча наблюдал за товарищем. Выглядел он растерянным и смущённым. Даниил поставил пластинку на «вертушку», не сразу нашёл иглой нужный трек. Крутанул колёсико громкости на усилителе. Из колонок заиграло пианино. Спирина взял конверт из-под пластинки, прочитал:

— Use your illusions.

— Слушай.

Хрипловатый голос пел, как влюблённые встречаются и расстаются. Вдруг Даниил поднял палец:

— Вот! — Стал подпевать. — Слышишь, да? И ничто не проходит бесследно — даже этот холодный ноябрьский дождь...

Спирина ничего не ответил — только посмотрел с лёгкой укоризной, и Даниил тут же почувствовал себя придурком. Происходящее выглядело театрально. Но как в принципе выглядят встречи друзей, когда один из них скатывается в обрыв? Вдруг Даниилу стало тошно — от себя, от ситуации, от мелкотравчатости своих страданий. Он сам не смог удержать того, за что сейчас цеплялся. А теперь выглядел так, будто пытался втиснуть себя обратно в окно, из которого только что выпрыгнул. Ради чего? Ради кого?

Он посмотрел на Спирина с проклюнувшейся ненавистью и тут же сам её испугался:

— Как жить, Дим, а? Как? Впрочем, — Даниил затряс головой, — лучше скажи мне, да, скажи: как жить нормально? Как жить просто, Дим, а? — Спирина полез за сигаретами. — Вот, смотри, Валька развёлся — живёт с молодой; нормально. Бугор, тот вообще по бабам гуляет. Саня, айтишник из МТС, к девкам не ходит, но то на работе, то в комп шпилит-

ся. И у всех всё нормально. А у меня вот так. Как жить?

— Ну, — Спирин не знал, что отвечать, — просто жить.

— Банальность. — Даниил засмеялся. — И ведь, смотри, мы и не повзрослели вовсе. Постарели, да, но не повзрослели! То же бухло, те же игрушки, те же девки — только в другом качестве, в другом контексте, что ли. Я, видишь, умничаю — в контексте, — передразнил он себя. — Дешевка! А годы впустую. Ни войны, ни чумы, ни любви — ничего. И в монастырь не пойдёшь — там сегодня полно пидорасов.

— Ты о смысле жизни, что ли? — задыхал Спирин.

— Я о себе, исключительно о себе! — заорал Даниил. — Как и все кругом. Они ведь только о себе. И ни о ком больше! Ты разве не заметил это?

— Да я...

— Что ты? Что? Твой друг подыхает, а ты что?

— Ну...

Даниил не давал отвечать:

— Иди домой!

— Ладно, хорошо, я просто... — Спирин запнулся. — Можно я, кстати, коньяк заберу? — И тут же спешно добавил: — Просто, вижу, тебе хватит.

Даниил истерично расхохотался. Всё это выглядело так нелепо, так рвано — так невпопад. И тут же впервые в жизни он подумал о самоубийстве. Не так, чтобы прыгнуть или пустить пулю, но чтобы притронуться, присмотреться, каково оно. И тут же оттолкнул от себя эту мысль. Так же он хотел отбросить всё то, что происходило до этой минуты — бессмысленное, щемящее, вскрывавшее сердцевину, точно тупым ржавым ножом.

— Бери коньяк и вали.

Голос казался глухим и слабым. Спирин вышел на кухню, после вернулся в комнату, постоял немного в дверях. Даниил отвернулся от него — лицом к окну. Небо серело, покрытое дымчатыми облаками. Хотелось курить. Во дворе кто-то надрывно крикнул.

— Иди уже, а! — не поворачиваясь, бросил Даниил.

На самом деле ему хотелось, чтобы Спирин остался. Но не этот, а тот, каким он хотел бы его видеть. Вот так и с женой. Бывшей женой. Какой Даниил хотел её видеть. И была ли она такая когда-то рядом? Настоящая или слепленная из его желаний? Он впервые за всё время после развода — сколько прошло? — дёрнулся, чтобы написать ей, но тут же замер: нет, всё, конец. Даниил не внушил себе это — просто знал, что так и есть. Как серое небо, которому никто не указ.

Спирин наконец вышел. Чуть хлопнул дверью. Даниил остался в комнате. Отыскал сигарету, подкурил, выпустил дым. Подошёл к проигрывателю, запустил песню — сразу угодил иглой в нужную дорожку. И тут же повалился на потёртый ковёр. Тот пах табаком и немного сыростью. Кожа чувствовала

его ворс, раздражалась — Даниил подумал, что хорошо бы убрать ковёр в чулан, оставить только паркет. Так, как было раньше.

Голос из колонок звучал по-родному. Он пел о ноябрьском дожде, пел о страданиях. Даниил подумал, что всё это не по-настоящему, не всерьёз. И, на самом деле, рыжий певец давно уже не пишет песен, не сочиняет музыки, а просто живёт в огромном особняке, снимает молодых девок и много ест. Ещё он гастролирует иногда, чтобы набивать счета деньгами. Но всё это опять же не по-настоящему, а исключительно чтобы протягивать жизнь дальше, точно разделительная насыпь, пока хватит песка. Однако жизнь уже кончилась — она осталась в том моменте, когда рыжий ублюдок ещё мог сочинять великие песни, которые искренне передавали боль, разочарование, одиночество — и была смелость говорить о них всерьёз, выбрасывая сердце на сцену, и каждый видел, как оно билось, пульсировало, красное, влажное, и хотелось или успокоить, или проткнуть его, чтобы кровь вместе с болью стали доказательством собственной реальности.

Но теперь этот рыжий ублюдок жил только с собой и только в себе. Как и Даниил. С той разницей, что певец успел показать своё сердце, успел сделать многое. А Даниил? Что успел? И ради чего жил теперь? Ради каких историй? Вся его жизнь сконцентрировалась на семье, но теперь та раскрошилась и остался лишь болевой синдром. Что дальше? С кем? Даниил не знал этого — и знать не хотел; вот что важно. Он оставил себя в прошлом, словно упаковал в полиэтилен.

Когда Даниил вышел на кухню, закованную, как в панцирь, в непробиваемый голубоватый кафель, то пожалел, что отдал вторую бутылку коньяка. В первой оставалось совсем чуть-чуть, на доньшке. Даниил словно выдавил капли, слизнул их. Пикнул телефон сообщением Спирина: «Начни работать, правда помогает».

Спирин, конечно, был прав. Даниил действительно увяз в прошлом. Большую часть времени он думал о детях — и эти мысли сначала пробуждали, но после иссушали его. Слова жены — бывшей жены; сколько можно было поправлять себя? — всплывали в памяти: «Зато девочки не будут видеть нашей ругани, когда мы разойдёмся». Так она аргументировала их развод — может быть, даже логично, по-своему правильно, но её слова, раскалённые добела, не успокаивали. Отнюдь. Ведь он знал, что даже самые крепкие создания на планете не переживают легко разрыва родителей. Тот проходит по ним бензопилой в руках маньяка-времени, и с каждым новым месяцем шматует жертву. Просто в определённый момент все вокруг решили, что развод — это норма. Сговорились, чтобы не мучиться сомнениями, чтобы не берeditь совесть. Ну а как же не норма, если

многие — большинство? — разведятся? Как-то же они живут; ладно, выживают. Самоуспокоение, растущее из жирного эгоизма. Но кто сказал, кто обещал, что за это не придётся платить?

Часто Даниилу снились его дочери. Он просыпался в темноте комнаты. За окнами барабанил дождь, настало время ливней, или работали мусорщики. Он не смотрел на часы, не вставал, а просто лежал, уткнувшись взглядом в грабовую стенку, в полки с книгами и думал, что ни одна из них не принесла ответов. И утешения тоже не принесёт. А хотелось, больше всего на свете хотелось, чтобы кто-то утешил. И сказал, что с дочками его будет всё если не хорошо, то хотя бы нормально. Что они смогут, с ним и без него, изучить науку выживания в мире, развороченном на части. Так он думал — и об этом молился, уже не засыпая. А днём блуждал, похожий на бледную сомнамбулу.

Спирин куда-то исчез. Возможно, обиделся — или просто решил дать время. Да и сама их дружба теперь не казалась прочной. Собеседником Даниила всё чаще становилась продавщица из соседнего магазина — вертлявая девка с татуировкой слоника на запястье, которая, похоже, набивалась на чай, кофе или сразу потанцевать. Но он делал вид, что не понимает её. А возможно, и правда, не понимал.

Потому что теперь жизнь его, как лента перемотки в YouTube, разделилась на промежутки, этапы. Большая часть из них проживалась в потусторонней — мёртвой — реальности. Просыпался Даниил лишь тогда, когда встречал девочек, всякий раз — ладно, через раз — справляясь с подкрадывавшимися слезами. Иногда, впрочем, он не сдерживался и рыдал, как младшеклассница, запершись в ванной.

Сначала Даниил встречался с дочками в прежней квартире. Их с Машей в квартире. И когда он появлялся там, оставаясь с девочками, жизнь откатывалась назад, напоминая ту, что текла до развода. Только теперь Маша не говорила с ним, а сразу куда-то уходила с летуче-надменным видом. Дочки же, оставшись с Даниилом, играли с ним, показывали, что изменилось в квартире, но иногда допускали неосторожные, ранящие вопросы. Почему ты не здесь? Почему не с нами?

Даниил не знал, что отвечать. Плёл что-то бессмысленное, но чаще, обняв дочек, стараясь передать им тепло, шептал:

— Я вас люблю... Папа всегда рядом...

Те две фразы, которые он повторял чаще других. Только их и повторял, так казалось. И тем, похоже, немного смущал девочек. Они переводили тему:

— Папа, а ты знаешь...

— Что, моё солнышко?

Первая ночь, когда он остался вместе с ними в квартире, а Маша уехала до утра, врезалась, ввинтилась ему в память, как шуруп. И жизнь для верности провернула его ещё несколько раз, дополнительно,

фиксируя на века. Девочки спали беспокойно: они вновь страдали насморком, и к нему добавился кашель. Оттого просыпались часто и нервно. Младшая садилась в постели, закашливалась. А старшую приходилось брать на руки, только так она успокаивалась. Даниил носил её по комнате — ровно, как солдата — и шептал нежные слова, а после единственную молитву, которую знал — «Отче наш». Старшая успокаивалась на время, но ненадолго — и тогда всё начиналось вновь.

В перерывах между их приступами кашля Даниил сбегал на балкон — и там судорожно курил. Улица хорошо освещалась — и он смотрел на влажный от ночного дождя асфальт, блестящий, как жирная кожа. Ему хотелось выйти туда и бродить по улицам, вдыхая ночную прохладу, ища смирение и покой. Но вновь слышался надрывный кашель, и он бежал обратно в комнату — помогать девочкам. Вскоре Даниил сообразил, что, возможно, они кашляют, в том числе, и от запаха табака, который, так или иначе, проникает к ним в комнату. Курение на балконе прекратилось. Даниил вымыл руки с мылом на древесной золе, а после вспомнил об увлажнителе воздуха, спрятанном где-то в недрах захлавленной кладовки.

Он отыскал его не без труда, изучил инструкцию — и наконец, залив воды, подключил. Из увлажнителя пошёл белый пар. Показалось, что дышать стало легче. Даниил позволил себе перекур. Девочки стали кашлять меньше. И только к рассвету, подкуривая очередную сигарету, Даниил понял, насколько измучен, как дрожат его руки. Он слишком переживал за дочек. За любой их дискомфорт.

Так повторялось много ночей. И, нервно засыпая, он думал о том, что хотел бы на время, только на миг, стать одним из тех чуваков, которые, расставшись с женщинами (тем более если те бросили их сами), тут же уходят в новую жизнь, забывая о детях, а следовательно, и об обязанностях, ответственности, переживаниях. А малыши? Как-нибудь вырастут сами. У других же вырастают.

Однажды он поделился этой мыслью с мамой, и та, смущённая, пробормотала:

— Но это же ненормально, Дая!

— Почему ненормально? Если так поступает большинство — значит, норма. Чисто статистически.

Мама тогда лишь покачала головой, поправляя волосы с проседью. Но со временем она и сама поняла тяжесть бремени сына, когда Маша, зверея от свободы и вседозволенности, стала наседать всё больше и больше, используя дочерей как идеальный способ манипуляции.

— Дети ведь ни в чём не виноваты, — часто слышал Даниил эту фразу и неизменно отвечал на неё:

— Понятно, и я буду с ними, несмотря ни на что!

Он, и правда, верил в это. И, по сути, хотел лишь одного — упорядоченности, комфорта (уют — это другое) для дочерей. Чтобы в новых условиях, вы-

брошенные на дикий берег, ещё подлежащий освоению, он и Маша научились жить, выработав правила и шаблоны, словно какой-нибудь бизнес-план — тот, что помогает избегать стрессов. Прежде всего, для детей. Одно время Даниил наивно верил в это, пропуская мимо ушей где-то подслушанную реплику: «Нет ничего страшнее обиженной женщины». Он верил в недостижимое, в то, что не могло проклюнуться на самом деле.

Вот только чем он обидел Машу? Этот вопрос звучал в его голове не риторически. Он пробовал и отвечал себе на него, находя свои промахи и недостатки. Всё тот же Спирина за бутылкой граппы когда-то давно объяснял ему, что отношения между мужчиной и женщиной — та же дихотомия добра и зла, борьба и единство противоположностей.

— Смотри сам, — вещал Спирина, дыша виноградно-спиртовыми испарениями, — все стервы и шлюхи встречаются с нормальными мужиками. Сам видишь! Отрицать невозможно! — Даниил для чего-то кивнул, будто соглашаясь. — Но ведь обратное тоже верно. Порядочные женщины терпят придурков, бухарей, бабников, прощают даже тех, кто их... поколачивает.

Он явно получил удовольствие от последнего слова — не зря подыскивал его. Даниил попытался вспомнить знакомые пары. В принципе теория Спирина имела некоторые подтверждения. Но внутреннего согласия не было.

— Ты имеешь в виду: всё должно быть уравновешено?

— Я ничего не имею в виду, — ухмыльнулся Спирина. — Я лишь констатирую факты.

— Может, просто одни любят, а другие позволяют себя любить? Это ведь старая истина. Банальность даже. Вот те, кто любит, — они и терпят. Что им ещё остаётся? А доброе отношение, — Даниил слотнул, получилось нервно, — не все умеют ценить. Оно... расхолаживает, что ли.

— И это тоже. Давай ещё по одной. — Спирина разлил граппу по рюмкам-«тюльпанам». На тех красовался культовый язык Stones. Приятели сделали оригинальный подарок на юбилей. — Мне вообще кажется, что это женская природа.

— Подчиняться?

Спирин опрокинул в себя граппу, сверкнул глазами:

— Бери, как говорится, выше! Подчиняться, оно конечно, да, несомненно. Но ещё больше подчинения им нравится сопротивляться этому подчинению. То есть, — он прикурил сигарету, — они обожают, когда им говорят, что делать. Но самый кайф для них — по итоту этого не делать. Ловишь мысль?

— И?

— И самый цимес в том, чтобы заставить её подчиниться, сломить. Дать почувствовать свою силу максимально. Как с собакой. Она будет слушать тебя

только, если чувствует, что ты сильнее, намного сильнее. А иначе — пшик!

Он растопырил пальцы, разводя руки, точно Джокер из фильма.

— Ты ещё скажи, что им нравится, когда их бьют, — Даниил поморщился.

— А что? Некоторым, определённо, да. Вот помнишь Лену?

— Какую Лену? — Даниил постарался, чтобы его слова прозвучали иронично.

— Ну, Лену! Со мной к Маше, — Спирина на мгновение осёкся, — на день рождения её приходила. Тёмленькая, с проколотым носом.

— А, да.

— Так вот она любила. Конечно, — Спирина тоскливо посмотрел то ли на опустевшую бутылку, то ли на прошлое, — в основном в постели, но бывало всякое. Любила, когда её унижали.

— И били, да, я уже понял. — Даниил допил свою порцию граппы. — Феминистки бы заклевали тебя — и были бы правы.

— Спорный вопрос! Да и к чёрту феминисток! Может, они больше других хотят быть униженными.

— Неудивительно, что у тебя нет ни жены, ни девушки.

— Как ты банален! Фу таким быть! Да и что у тебя самого есть? — Спирина не стеснялся бить по большому.

Но ведь, и правда, что было у самого Даниила? В прошлом, с семьёй, и сейчас, без семьи? Чего он добился? Чего хотел? И во что верил? Кому мог верить? Когда любой их разговор с Машей превращался в конфликт, провоцирующий новый конфликт. Цепная реакция и цепные же псы, люто рвущиеся на свободу. Как так получилось, что человек, с которым они ещё недавно познавали и признавали главное, превратился в оскалившегося врага? Того, с кем невозможно провести часа, чтобы не разругаться. Сколько ползла и вилась эта тропа в безысходность?

Спирин вещал ему о тех, кто бухал, гулял, бил. Банальные истории, в общем-то. Но, может, стоило идти от обратного, а? Ведь, говорят, женщины тюфяков не любят. Был ли он таким? Тряпкой? Каблуком? Рохлей? Как там их ещё называют? Велик и могуч русский язык — столько обозначений для проигравших. Какое выбрать? И стоит ли выбирать? Когда одновременно каждое правильно и вместе с тем каждое не даёт объяснений того, кем он был на самом деле и почему всё так кончилось.

Он точно знал, что, будучи в семье, никогда не уходил в запои, не бил, не гулял. Это мямля? Или нормальный муж? Обыденность или достижение? Он содержал, помогал, заботился. В конце концов, одна из главных задач мужчины — обеспечить безопасность своей семьи, а Маша с дочками всегда были под его защитой. Тогда что он сделал? Или чего, наоборот, не сделал? Не объяснять же развод, крах